

А. Ю. Полунов

ПРОБЛЕМА БЮРОКРАТИЗМА В КОНСЕРВАТИВНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX В.

В статье анализируется отношение представителей консервативной общественной мысли России второй половины XIX — начала XX в. к проблеме бюрократизма. Опасность бюрократического перерождения самодержавия, превращения его в оторванный от народа аппарат власти, руководствующийся формальными нормами и правилами, глубоко волновала российских консерваторов. Дань антибюрократической риторике отдали многие известные политики и мыслители пореформенной России — В. П. Мещерский, Р. А. Фадеев, И. С. Аксаков, К. П. Победоносцев. Стремясь сохранить самобытный характер самодержавия, придать ему «живой», «народный» характер, они выдвигали различные проекты, предполагавшие усиление роли поместного дворянства как противовеса бюрократии, созыв Земского собора, усиление личной роли царя и его доверенного советника в системе управления. Несмотря на то, что искания консерваторов окончились неудачей, их изучение представляет несомненный интерес для осмысления всей сложности и неоднозначности идейной и общественно-политической жизни пореформенной эпохи.

Ключевые слова: самодержавие, бюрократизм, консерватизм, реформы, народ, поместное дворянство, Земский собор, Р. А. Фадеев, В. П. Мещерский, И. С. Аксаков, Н. П. Игнатьев, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев.

В марте 1881 г., вскоре после гибели Александра II от руки террориста, обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев в письме Е. Ф. Тютчевой коснулся статьи И. С. Аксакова, в которой тот рассуждал о причинах бед пореформенной России. «Хорошо, сердечно, но — ах, все не то! — писал лидер правительственных консерваторов, явно рассчитывая, что его слова будут донесены до московского публициста. — Что тут толковать о бюрократизме (выделено Победоносцевым. — А. П.). Разве в этом дело!» (ОР РГБ. Ф. 230. Карт. 4410. Ед. хр. 1. Л. 33–33 об.)¹. Спустя год сходные декларации прозвучали на совещании в правительстве, обсуждавшем проект созыва Земского собора, выдвинутый единомышленником Аксакова, министром внутренних дел Н. П. Игнатьевым. «Теперь излюбленная тема — нападать на бюрократический строй и чиновников, — говорил обер-прокурор, — как будто существует где-либо на земном шаре государство или управление без чиновников или канцелярий, составляющих именно тот бюрократический строй, против которого восстают» (Игнатьев, 2000, 150). Может показаться странным, что бюрократизм служил объектом критики в консервативных и правительственных кругах, казалось бы, крайне далеких от оппозиционных сфер, для которых нападки на «самодержавный деспотизм» давно стали обычным делом. Не менее удивительно, что Победоносцев был вынужден доказывать собеседникам необходимость бюрократического аппарата в условиях самодержавного правления, хотя для сторонников монархии это должно было быть аксиомой. Между тем за этими парадоксами стояли серьезные проблемы общественно-политического

Александр Юрьевич Полунов — доктор исторических наук, профессор факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова (polunov@sra.msu.ru).

¹ Тютчева была свояченицей Аксакова (сестрой его жены Анны Федоровны). Победоносцев сам был хорошо знаком с московским публицистом, являвшимся его товарищем по Училищу правоведения.

развития России, служившие предметом напряженных размышлений для консервативных мыслителей XIX — начала XX в.

Несмотря на то, что преданность самодержавию (правда, понимаемому по-разному) была одним из немногих пунктов, объединявших практически всех русских консерваторов, большинство из них последовательно, а иногда крайне резко выступало против бюрократической системы правления. Первые симптомы подобного подхода наметились после начала реализации реформы 1861 г., разработка которой, как известно, была во многом делом рук петербургского кружка «либеральных бюрократов», вдохновлявшихся опытом западноевропейских государств². Противоречивые результаты реформы дали консерваторам повод говорить о том, что судьбы России должны определять не столичные чиновники, оторванные от реальных нужд страны и судящие о них на основании абстрактных схем, заимствованных извне, а представители «коренных общественных слоев», знакомые с самобытными условиями жизни России, реальным положением дел на местах. Горячим сторонником подобных идей был издатель газеты-журнала «Гражданин» князь В. П. Мещерский, друг юности Александра III, располагавший значительным влиянием и в правление Николая II. Отстаивая незыблемость самодержавия, князь, по словам современной исследовательницы Н. В. Черниковой, «верил в провинцию... где на почве „чисто русской и живой“ работают добросовестно преданные своему делу люди, противостоящие бессистемной деятельности петербургской бюрократии»³. Наилучшим воплощением такого рода людей, противовесом бюрократии для Мещерского были поначалу деятели земского самоуправления, а затем, все в большей степени, — представители патриархального поместного дворянства и администраторы (губернаторы, земские начальники), управляющие на местах подвластным населением на основе принципа единоличной власти.

С развернутой критикой бюрократической системы правления выступил в 1870-е — начале 1880-х гг. еще один защитник интересов поместного дворянства — генерал Р. А. Фадеев, пользовавшийся покровительством влиятельных вельмож (фельдмаршала А. И. Барятинского, графа И. И. Воронцова-Дашкова). По словам генерала, абстрактно-теоретический характер реформ 1860–1870-х гг. привел к тому, что российские подданные «окунулись в полную бессловность», а на местах оказались разрушены все действенные институты власти. Взяв в свои руки управление, бюрократия выхолостила истинный смысл самодержавия, превратила царя в высшего чиновника, «главу исполнительной власти», на практике ограничив его власть массой мелких норм, правил и предписаний. Царь оказался из-за «бюрократического средостения» оторван от массы простого народа, искренне преданного монархическому началу, но неспособного оказать поддержку царю. При этом чиновничья система, действующая на основании формальных правил, показала свое бессилие в борьбе с революционным подпольем. В области же цензуры она, подавляя благонамеренную (консервативную, славянофильскую) печать, фактически не препятствовала выпадам оппозиционной прессы, научившейся проводить свои идеи «между строк» [Кузнецов, 1998, 63, 111].

Относясь равнодушно к защите истинных интересов самодержавия, будучи близким по взглядам, вкусам, образу жизни к лицам «свободных профессий», либеральной общественности, чиновничеству, по мнению Фадеева, было склонно разделять конституционные идеи и могло — сознательно или бессознательно — оказать в решающий момент поддержку сторонникам парламентаризма. От подобных заявлений был один шаг до обвинения государственных служащих в политической неблагонадежности,

² О либеральной («просвещенной») бюрократии см.: [Lincoln, 1986]. Наиболее фундаментальной работой по истории разработки крестьянской реформы 1861 г. в отечественной историографии остается исследование Л. Г. Захаровой [Захарова, 1984].

³ Как отмечает исследовательница, по мере углубления консервативного характера взглядов Мещерского бюрократия в его глазах обретала черты «какого-то чуть ли не мифического чудовища, ужасного и всемогущего» [Черникова, 2017, 110, 352].

и генерал его сделал. По его словам, значительная часть чиновников (особенно столичных) уже сплотилась в «красный кружок», «везде и во всем поддерживающий своих и привлекающих к себе большинство», а остальные в той или иной степени тяготели к этому кружку, будучи подвержены влиянию либеральных идей⁴. Особенно резко подобные заявления зазвучали после гибели Царя-Освободителя, которую многие считали следствием халатности или даже измены со стороны высших должностных лиц. «Господствовало мнение, — вспоминал современник, — что трагическая кончина императора Александра II воочию доказала несостоятельность полицейско-бюрократического строя... что измена проникла в бюрократическую среду, в то время как народное сознание, глубоко потрясенное кровавым злодеянием 1-го марта 1881 года, является гораздо более надежной опорой престола и государства, чем отравленная европейским либерализмом, подкупная, насквозь прогнившая бюрократическая среда» (Несостоявшийся Земский собор, 1906, 42).

В напряженной, близкой к панической атмосфере, которая царил в консервативных и правительственных кругах после царевубийства, рождались масштабные конспирологические теории, неизменным компонентом которых становились представления о разрушительных замыслах злонамеренных бюрократов. «В Петербурге, — заявлял в марте 1881 г. упоминавшийся выше Н. П. Игнатъев, которому вскоре предстояло занять пост министра внутренних дел, — существует могущественная польско-жидовская группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржа, адвокатура, большая часть печати и другие общественные дела. Многими законными и незаконными средствами она имеет огромное влияние на чиновничество и вообще на весь ход дел» (Отнять у крамолы силу, 1995, 6). Подобные заявления логично «ложались» на бросающуюся в глаза современникам антибюрократическую риторику, ставшую яркой особенностью управленческого стиля Игнатьева в период его пребывания на министерских постах. «Я старался, — вспоминал впоследствии сановник, — ввести в противодействие бюрократическому способу управления (sic), признаваемого мной не соответствующим действительным нуждам такой громадной и разнообразной страны, как Россия. Я был слишком чужд бюрократического мира и разделял со всеми чисто русскими людьми предубеждения к плодотворности чисто канцелярской, чиновничьей работы» (Игнатъев, 2000, 85–86).

По воспоминаниям современников, административные порядки, воцарившиеся при Игнатьеве в министерстве внутренних дел, в особенности же манера действий его начальника канцелярии Д. И. Воейкова, полностью соответствовали взглядам министра, его неприязни к «чиновничьей, канцелярской» системе управления. В ведомстве царил «творческий беспорядок», нарушались принятые формы докладов, движения документов и др. По словам известного консервативного публициста К. Ф. Головина, Игнатъев «ненавидел формализм в такой же мере, в какой граф Дмитрий Андреевич (Толстой, преемник Игнатьева, воспринимавшийся современниками как воплощение бюрократизма. — А. П.) от него ожидал если не спасения, то, по крайней мере, передышки» (Головин, 1910, 53). Однако, вне зависимости от того, какая риторика звучала из уст высокопоставленных сановников и как она отражалась на их управленческой деятельности, рано или поздно эту риторику надо было оформить в виде более или менее детально разработанных программ, воплотить в жизнь в виде тех или иных институтов. Попытки такой реализации предпринимались неоднократно, но все они оказывались неудачны, на что был ряд причин.

Те конкретные формы, в рамках которых предлагалось реализовать рождавшиеся в недрах консерватизма антибюрократические построения, оказывались при детальной разработке неприемлемы для самодержавия, а иногда и для самих охранителей. Они были подозрительно близки к установкам либералов или дворянской олигархии, которая большинством консерваторов отвергалась как явление наносное, чуждое

⁴ Из «Всепоподданнейшего письма 11 апреля 1879 г.», написанного Фадеевым под влиянием покушения А. К. Соловьева на Александра II [Кузнецов, 1998, 111].

России. Так, заявления Р. А. Фадеева о том, что в пореформенную эпоху необходимо отступить от принципа бессословности, сделать противовесом бюрократии обновленное поместное дворянство, передать в его руки управление на местах, навлекли на него обвинения в ретроградстве, скрытом крепостничестве, в попытках вернуть Россию к дореформенным порядкам [Кузнецов, 1998, 70–75]⁵. Сходные претензии предъявлялись и князю Мещерскому. С другой стороны, когда идейный вдохновитель Игнатъева И. С. Аксаков попытался развить мысль о необходимости непосредственного единения царя с народом («землей») для устранения чиновничьего «средостения», из под его пера вышла концепция, носившая едва ли не анархический характер. «Самодержавный Царь и Земство — больше ничего или почти ничего, — излагал суть воззрений Аксакова известный консерватор К. Н. Леонтьев, которому на цензурное рассмотрение был передан в мае 1881 г. сборник публициста-славянофила „Взгляд назад“. — Всё посредствующее (то есть вся или почти вся администрация) должно исчезнуть, атрофироваться». В сборнике, резюмировал цензор-консерватор, «действительно проводятся мысли, равносильные совершенному почти уничтожению администрации... Таким образом, брошюра представляет проект глубокого изменения нашего государственного строя» [Бадалян, 2016, 143–144].

Наиболее последовательной попыткой структурных преобразований, призванных преодолеть разрыв между царем и народом, был выдвинутый Игнатъевым и Аксаковым весной 1882 г. проект созыва Земского собора. Авторы проекта доказывали, что собор придаст власти царя «живой», «народный» характер, не подвергая ее в то же время конституционным ограничениям, не вводя западноевропейского парламентаризма. Гарантией против подобного развития событий, по мысли Игнатъева и Аксакова, должен был служить и механизм формирования собора (сословный характер выборов, призванный не допустить преобладания на соборе «беспочвенной интеллигенции», близкой по взглядам бюрократии), и его совещательный характер, и нерегулярность его созыва — каждый раз по решению царя [Зайончковский, 1964; Игнатъев, 2000; Переписка, 2013; Горинов, 2007]. Однако, несмотря на все усилия сторонников собора, сходство их замысла с ключевыми положениями концепций либерализма бросалось в глаза, что делало его неприемлемым для самодержавия. «Если воля и распоряжение перейдут от правительства на какое бы то ни было народное собрание — это будет революция, гибель правительства и гибель России», — писал К. П. Победоносцев в мае 1882 г. Александру III, требуя отвергнуть проект созыва собора (Письма, 1925, 381). Консерваторам, продолжавшим говорить о необходимости очистить самодержавие от бюрократических «наслоений» путем тех или иных реформ, обер-прокурор не без раздражения указывал на утопичность их проектов. «Чиновничество все-таки связано долгом и службой... — разъяснял он В. В. Розанову, пытавшемуся в 1890-е гг. развивать антибюрократическую линию, характерную для российской консервативной мысли. — Что такое частный, гуляющий, праздный человек? Чем вы его удержите? Какое у вас есть средство указать ему, поставить предел?» (Розанов, 1910, 20).

Фактически именно благодаря Победоносцеву весной 1882 г. попытка созыва Земского собора была сорвана, Игнатъев получил отставку, а планы институциональных преобразований, призванных устранить чиновничье «средостение», оказались надолго отложены. Избранная главой духовного ведомства позиция заставляла многих современников видеть в нем убежденного сторонника бюрократической системы управления, поклонника традиционного абсолютизма, далекого от любых идейных исканий даже в рамках консервативной системы воззрений⁶. Однако такая оценка представляется чрезмерно прямолинейной. Обер-прокурор, как и многие консервато-

⁵ Наиболее последовательным критиком Фадеева был известный славянофил Ю. Ф. Самарин, охарактеризовавший взгляды генерала как «революционный консерватизм».

⁶ Так, А. А. Кизеветтер, проанализировав переписку Победоносцева, пришел к выводу, что идеалом для обер-прокурора была система управления, базировавшаяся на двух началах: «самодержавный монарх и бюрократический аппарат, точно выполняющий веления

ры его времени, отдал дань попыткам создания системы «живого», «народного» самодержавия. Однако его идеи и предложения, касавшиеся данной сферы, отличались значительным своеобразием.

Решительно отвергая возможность структурных изменений в существующей системе управления, глава духовного ведомства вовсе не закрывал глаза на «чиновничье засилье», являвшееся серьезным пороком системы. Его письма буквально переполнены нападками на заправил административного аппарата, близкими по духу обличениям других консерваторов, обвинявшим их в равнодушии к истинным интересам страны, корыстолюбию и склонности к конституционализму. Народ страдает, «а наверху... чиновные люди по-прежнему подписывают свои бумаги и получают свои деньги», — гневно восклицал Победоносцев в письме своему воспитаннику, цесаревичу Александру Александровичу в разгар русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «Все безумные, которые ждали конституции — журналисты, профессора, чиновники-либералы — проклинают меня на всех перекрестках, так как пущен слух, будто я помешал конституции», — писал глава духовного ведомства по поводу своих антилиберальных выступлений весной 1881 г. Игнатъев, которого обер-прокурор на первых порах энергично поддержал, выдвинул в начале своего правления ряд явно авантюристических прожектов — в том числе заявил о необходимости широкомасштабной чистки государственного аппарата, и можно предположить, что в этих начинаниях он опирался на поддержку Победоносцева. «Все зло у нас шло сверху, из чиновничества, а не снизу... — замечал консервативный сановник в 1881 г. по поводу одной из записок, присланных Александру III. — Чистить надобно сверху» (Письма, 1925, 81, 330, 346).

При всей сложности своего отношения к славянофилам обер-прокурор всецело одобрял один из центральных пунктов их учения — «протест против формального, канцелярского, высокомерного отношения официального мира к живым потребностям и духовным расположениям народа» (Победоносцев, 1996, 133). Вместе с тем, в отличие от Аксакова и его единомышленников, изжить эти и подобные им явления обер-прокурор намеревался не путем институциональных преобразований, а посредством напряженной текущей работы в рамках существующей системы управления, инициирования постепенных изменений, формирования новых нравов, привычек и обычаев в правительственной среде. «Напрасны были бы мечтания, — писал в 1883 г. обер-прокурор своему доверенному корреспонденту С. А. Рачинскому о делах церковного управления, — преобразовать эту среду новой реорганизацией, новыми предписаниями и прещениями. И здесь, как и во всем остальном, на первом месте — дело каждого дня, в кругу возможного». Надо «ходить за деревом, прививая к нему новые соки» (ОР РНБ. Ф. 631. Письма к С. А. Рачинскому. 1887. Январь-март. Л. 51 об.; 1885. Октябрь-декабрь. Л. 193).

Для того чтобы внедрить в управленческую систему небюрократические методы, следовало наполнить новым духом деятельность тех, кому вверялась власть, начиная с царя. Они должны были непрерывно трудиться, не прикрываясь формальными нормами и регламентами, лично вникать во все вопросы управления, вплоть до самых незначительных. «Ваш труд, — наставлял в 1876 г. Победоносцев наследника Александра Александровича, — всех подвинет на дело, ваше послабление и роскошь зальет всю землю послаблением и роскошью — вот что значит тот союз с землей, в котором вы родились, и та власть, которая вам суждена от Бога» (Письма, 1925, 54). Проблемы, которые предстояло решать власть имущим, должны были представлять перед ними в своей непосредственной, первичной форме, не опосредованные какими-либо бюрократическими механизмами и не препарированные в официальных донесениях, выхолащивающих их суть. Для правильной организации управления, настаивал консервативный сановник, надо «быть в живом общении с живыми людьми»,

---

самодержца». По мнению историка, предложения консервативного сановника, предназначенные для царя, пленяли последнего «своей элементарной несложностью» [Кизеветтер, 1924, 259].

не уподобляться традиционным бюрократам, которым «некогда говорить с людьми и узнавать их в живом деле». «Людей они принимают, когда те им представляют, — утверждал Победоносцев. — Вся их деятельность в бумагах и в заседаниях, т. е. в фразах» (Письма, 1925, 250–251).

Реализуя принцип «живого управления», доверенный советник царя (в роли которого Победоносцев, естественно, видел себя) должен был в ходе напряженной текущей деятельности — переписки, встреч с людьми, непрерывных поездок по стране — узнавать, поддерживать и связывать друг с другом всех отдельных усердных тружеников, прежде всего в провинции. Противопоставление «испорченных» столиц «здоровой» провинциальной среде, столь распространенное в консервативных кругах, было характерно и для обер-прокурора. «Я считаю великим делом, — писал он в 1887 г. Александру III о соответствовавших его идеалу провинциальных рабочих, — отыскивать такие явления (большей частью в глухих местах) и тотчас же обращаться на них внимание. Видя это, местные деятели получают опору, и пример их вызывает других на подражание» (Письма, 1926, 129). Именно этот живой пример, а не система «учреждений со штатами», полагал высокопоставленный сановник, изменит систему управления к лучшему. «Один ключ к оздоровлению — огонь, от которого другие люди зажигаются» (ОР РНБ. Ф. 631. Письма к С. А. Рачинскому. 1893. Март-апрель. Л. 183 об.; 1895. Январь-февраль. Л. 69). При этом возникавшие между отдельными усердными тружениками контакты должны были носить как можно более неформальный характер. В некоторых случаях их даже следовало скрывать от окружающих (органов печати, официальных учреждений). Доброе дело, утверждал обер-прокурор в письме И. С. Аксакову (1884), «лучше устоит на молве, из уст в уста передаваемой людьми добра и веры» (ОР РНБ. Ф. 14. Ед. хр. 658. Л. 10).

Разумеется, избранный Победоносцевым подход требовал от него колоссального труда, заставлял тратить массу сил и времени на дела текущего управления. Однако консервативный сановник был готов нести это бремя, поскольку лишь таким образом, как он полагал, управленческой системе можно было придать «живой» характер, повысить ее действенность. «У меня, — писал обер-прокурор в 1882 г. Рачинскому, — сидят люди с утра и до вечера и до ночи и совсем отнимают у меня время, нужное для... изучения больших вопросов, коих множество — но я не могу отказать людям» (ОР РНБ. Ф. 631. Письма к С. А. Рачинскому. 1892. Январь-июль. Л. 1 об.). Вместе с тем со временем подобный образ действия неизбежно вел к деструктивным последствиям, внося хаос и разлад во все, чем занимался Победоносцев. Таковы же были результаты и других попыток реализовать систему антибюрократического управления. «Всякий старался заискивать перед ним... — вспоминая об административном стиле обер-прокурора хорошо знавший его глава цензурного ведомства Е. М. Феоктистов. — Уже и без того неспособен был он овладеть сколько-нибудь широкими задачами, а это еще более заставляло его без всякой нужды тратиться на мелочи» (Феоктистов, 1991, 220). В конечном счете неудачи, постигшие главу духовного ведомства в ходе попыток воплотить в жизнь систему «живого», «народного» самодержавия, в немалой степени способствовали падению его влияния при дворе и в правительстве в конце 1880-х гг. Этот результат был столь же закономерен, сколь закономерным был интерес к антибюрократическим декларациям Победоносцева в конце 1870-х — начале 1880-х гг., когда атмосфера была насыщена критическими выпадами в адрес чиновничества.

Разумеется, попытки консерваторов очистить самодержавие от «бюрократических искажений» продолжались и после 1880-х гг. Большое место данная тема занимала в публицистике В. П. Мещерского, который, помимо газетно-журнальной деятельности, стремился в конце XIX — начале XX в. воплотить свои прожекты в жизнь посредством различных придворных маневров. За созыв Земского собора, в том числе с целью преодоления «бюрократического средостения» между царем и народом, выступал и один из лидеров позднего славянофильства генерал А. А. Киреев [Медоваров, 2013]. Члены «Русского собрания» — возникшей в 1900 г. общественной организации,

которую можно рассматривать в качестве предшественницы массовых правомонархических партий, — уделили значительное внимание антибюрократической риторике в своих трудах. По замечанию современного историка И. В. Лукоянова, в сочинениях представителей «Русского собрания», в частности, известного журналиста С. Н. Сыромятникова, «на чиновников возлагалась главная ответственность за основные проблемы, решение их связывалось с тотальной реформой государственного аппарата» [Лукоянов, 2003, 49; Репников, 2010; Делюкин, Шуршина, 2016]. Однако попытки прояснить, в чем же должны заключаться подобные реформы, вновь и вновь заводили консерваторов в тупик. Примером могут послужить построения публициста и общественного деятеля С. Ф. Шарапова, провозглашавшего себя преемником И. С. Аксакова. Попытавшись развить в своем сочинении «Самодержавие и самоуправление» (1899) идеи Аксакова о необходимости децентрализации, он пришел к тому же, и даже более радикальному выводу, что и его предшественник в начале 1880-х гг. В рамках схемы Шарапова, по словам Лукоянова, «роль центральной администрации практически исчезала», а государство в целом обрело вид «аморфной, слабоуправляемой и практически безвластной системы», то есть явления, которое фактически не могло быть воплощено в жизнь [Лукоянов, 2003, 61].

Нарастание социальной напряженности в первые годы XX в., вызванное, в том числе, утратой самодержавием политической инициативы, привело к массовым волнениям, нанесящим тяжелый удар по авторитету монархии и существенно подрывавшим авторитет консервативных идей в обществе. Под влиянием революции 1905 г. самодержавие, вопреки предостережениям консерваторов, вынуждено было пойти на шаг, который в течение долгого времени отвергало, — допустить ограничение власти монарха, ввести в стране представительство, внедрить элементы парламентского контроля и разделения властей. Казалось бы, данные нововведения должны были покончить с «засильем бюрократии» уже на основе применения классических либеральных рецептов. Однако в силу ряда причин этого не произошло. Излечить застрелые пороки складывавшейся в течение многих веков, обремененной многочисленными противоречиями государственной системы, сделать ее более динамичной, эффективной в новых условиях не удалось. Развязкой сложившейся ситуации стало крушение монархической государственности в 1917 г., открывшее путь формированию новой системы власти. Однако и эта система, как выяснилось впоследствии, несла в себе многочисленные противоречия и конфликты, в том числе унаследованные с дореволюционных времен.

Источники и литература

Источники

1. Головин (1910) — Головин К. Ф. Мои воспоминания. Т. II: 1881–1894. СПб.: Типография «Колокол», 1910. 274 с.
2. Игнатъев (2000) — Игнатъев Н. П. Земский собор. СПб.; Кишинев: Нестор, 2000. 191 с.
3. Несостоявшийся Земский собор (1906) — Несостоявшийся Земский Собор (исторические воспоминания) // Море. 1906. № 21–22.
4. Отнять у крамолы силу (1995) — «Отнять у крамолы материальную и нравственную силу» // Источник. 1995. № 2. С. 4–15.
5. Переписка (1913) — Переписка П. Д. Голохвастова с И. С. Аксаковым о «Земском Соброре» // Русский архив. 1913. № 1. С. 94–111; № 2. С. 181–204.
6. Письма (1925) — Письма К. П. Победоносцева к Александру III. М.: Новая Москва, 1925. Т. I. 448 с.

7. Письма (1926) — Письма К. П. Победоносцева к Александру III. М.: Новая Москва, 1926. Т. II. 384 с.
8. ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 14. Ед. хр. 658. Л. 10: Победоносцев К. П. — Аксакову И. С. 11 июля 1884 г.
9. ОР РНБ. Ф. 631. Письма к С. А. Рачинскому. 1895. Январь-февраль. Л. 69: Победоносцев К. П. — Рачинскому С. А. 18 января 1895 г.
10. ОР РНБ. Ф. 631. Письма к С. А. Рачинскому. 1882. Январь-июль. Л. 1 об.: Победоносцев К. П. — Рачинскому С. А. 1 января 1882 г.
11. ОР РНБ. Ф. 631. Письма к С. А. Рачинскому. 1893. Март-апрель. Л. 183 об.: Победоносцев К. П. — Рачинскому С. А. 14 апреля 1893 г.
12. ОР РНБ. Ф. 631. Письма к С. А. Рачинскому. 1885. Октябрь-декабрь. Л. 193: Победоносцев К. П. — Рачинскому С. А. 24 декабря 1885 г.
13. ОР РНБ. Ф. 631. Письма к С. А. Рачинскому. 1883. Сентябрь-декабрь. Л. 44 об.: Победоносцев К. П. — Рачинскому С. А. 24 сентября 1883 г.
14. ОР РНБ. Ф. 631. Письма к С. А. Рачинскому. 1887. Январь-март. Л. 51 об.: Победоносцев К. П. — Рачинскому С. А., 20 января 1887 г.
15. ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 230. Карт. 4410. Ед. хр. 1. Л. 33–33 об.: Победоносцев К. П. — Тютчевой Е. Ф. 11 марта 1881 г.
16. Победоносцев (1996) — *Победоносцев К. П.* Аксаковы // *Победоносцев К. П.* Сочинения. СПб.: Наука, 1996. С. 131–136.
17. Розанов (1910) — *Розанов В. В.* М. П. Соловьев и К. П. Победоносцев о бюрократии // *Новое слово.* 1910. № 1. С. 18–21.
18. Феоктистов (1991) — *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. М.: Новости, 1991. 464 с.

Литература

19. Бадалян (1916) — *Бадалян Д. А.* «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х — первой половины 1880-х гг. СПб.: Росток, 2016. 359 с.
20. Горинов (2007) — *Горинов М. М.* Государственная и общественная деятельность графа Н. П. Игнатъева (1879–1882 гг.). Дисс... канд. ист. наук. М., 2007. 309 с.
21. Делюкин, Шуршина (2016) — *Делюкин Д. В., Шуршина В. А.* «Мы пойдем заодно с этой Азией». Жизнь и творчество С. Н. Сыромятникова в контексте «русской идеи» на рубеже XIX–XX вв. // *Петербургский Рериховский сборник.* Вып. IX. СПб., 2016. С. 161–174.
22. Зайончковский (1964) — *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–80-х гг. М.: Издательство Московского университета, 1964. 511 с.
23. Захарова (1984) — *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права. М.: Издательство Московского университета, 1984. 254 с.
24. Кизеветтер (1924) — *Кизеветтер А. А.* Победоносцев // *На чужой стороне.* Т. IV. Прага, 1924. С. 258–279.
25. Кузнецов (1998) — *Кузнецов О. В.* Р. А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. 181 с.
26. Лукоянов (2003) — *Лукоянов И. В.* Российские консерваторы (конец XVIII — начало XX в.). СПб.: Нестор-История, 2003. 79 с.
27. Медоваров (2013) — *Медоваров М. В.* А. А. Киреев в общественно-политической жизни России второй половины XIX — начала XX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2013. 357 с.
28. Репников (2010) — *Репников А. В.* С. Н. Сыромятников: штрихи к портрету // *Интеллигенция и мир.* 2010. № 3. С. 93–110.
29. Черникова (2017) — *Черникова Н. В.* Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М.: Росспэн, 2017. 479 с.
30. Lincoln (1986) — *Lincoln, Bruce W.* In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. DeKalb: Illinois University Press, 1986. 297 p.

Alexander Polunov. The Russian Conservative Thought on Problem of the Bureaucratization in the Second Half of 19th – Early 20th Century.

Abstract: The article focuses on the Russian conservatives' attitudes towards the problem of bureaucratization of the state apparatus in the second half of nineteenth – early twentieth century. Right-wing thinkers and politicians were deeply worried by the danger of degradation of the Russian autocracy, its transformation into an apparatus of power detached from the ordinary people and guided by formal norms and rules. Many well-known public figures, such as V. P. Meshchersky, R. A. Fadeev, I. S. Aksakov, K. P. Pobedonostsev, paid tribute to the anti-bureaucratic rhetoric in their articles and speeches. Trying to preserve an authentic, non-bureaucratic character of the autocracy, its “living”, “popular” character, they put forward various projects proposing the strengthening of the role of the local nobility as a counterbalance to the state officials, convening of the Zemsky Sobor, enhancing the personal role of the Tsar and his trusted advisor in the system of state governing. Despite the fact that the ideological searches of the Russian conservatives ended in failure, an analysis of their activities is of great interest for our understanding the complexity and ambiguity of the ideological and socio-political life of the post-reform era.

Keywords: autocracy, bureaucracy, conservatism, reforms, people, local nobility, Zemsky Sobor, R. A. Fadeev, V. P. Meshcherskii, P. N. Igtat'ev, I. S. Aksakov, K. N. Leontiev, K. P. Pobedonostsev.

Alexander Yur'evich Polunov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (polunov@spa.msu.ru).

Sources and References

Sources

1. Golovin (1910) – Golovin K. F. *Moi vospominaniya. Tom II. 1881–1894* [My Memoirs. Vol. II. 1881–1894]. Saint Petersburg: Tipografiya “Kolokol”, 1910, 274 p. (In Russian).
2. Ignatev (2000) – Ignatev N. P. *Zemskiy sobor* [Land Assembly]. Saint Petersburg: Nestor, 2000, 191 p. (In Russian).
3. Nesostoyavshiysya zemskiy sobor (1906) – Nesostoyavshiysya zemskiy sobor. Istoricheskie vospominaniya [The Land Assembly Which Did Not Take Place. Historical Memoirs]. *More*, 1906, no. 21–22. (In Russian).
4. Otnyat' u kramoly silu (1995) – “Otnyat' u kramoly material'nuyu i nrvstvennuyu silu” [To Take Away from the Sedition of the Material and Moral Strength]. *Istochnik*, 1995, no. 2, pp. 4–15. (In Russian).
5. Perepiska (1913) – Perepiska P. D. Golokhvastova s I. S. Aksakovym o Zemskom sobore [Correspondence of P. D. Golokhvastov with I. S. Aksakov on the Land Assembly]. *Russkiy arkhiv*, 1913, no. 1, pp. 94–111; no. 2, pp. 181–204. (In Russian).
6. Pis'ma (1925) – *Pis'ma K. P. Pobedonostseva k Aleksandru III. Tom I* [Letters of K. P. Pobedonostsev to Alexander III. Vol. I]. Moscow: Novaya Moskva, 1925, 448 p. (In Russian).
7. Pis'ma (1926) – *Pis'ma K. P. Pobedonostseva k Aleksandru III. Tom II* [Letters of K. P. Pobedonostsev to Alexander III. Vol. II]. Moscow: Novaya Moskva, 1926, 384 p. (In Russian).
8. OR RNB (Otdel rukopisey Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki [Manuscript division of Russian National Library]). Fund 14. Item 658. P. 10. Pobedonostsev K. P. – Aksakovu I. S., 11 iyulya 1884 g. [Pobedonostsev K. P. to Aksakov I. S., July 11, 1884]. (In Russian).
9. OR RNB. Fund 631. Pis'ma k S. A. Rachinskomu. 1895. Yanvar'-fevral'. [Letters to S. A. Rachinskiy. 1895. January-February]. P. 69. Pobedonostsev K. P. – Rachinskomu S. A., 18 yanvarya 1895 g. [Pobedonostsev K. P. to Rachinskiy S. A., January 18, 1895]. (In Russian).

10. OR RNB. Fond 631. Pis'ma k S. A. Rachinskomu. 1882. Yanvar'-iyul'. [Letters to S. A. Rachinskiy. 1892. January-July]. P. 1 v. Pobedonostsev K. P. — Rachinskomu S. A., 1 yanvarya 1882 g. [Pobedonostsev K. P. to Rachinskiy S. A., January 1, 1882]. (In Russian).
11. OR RNB. Fond 631. Pis'ma k S. A. Rachinskomu. 1893. Mart-aprel' [Letters to S. A. Rachinskiy. 1893. March-April]. P. 183 v. Pobedonostsev K. P. — Rachinskomu S. A., 14 aprelya 1893 g. [Pobedonostsev K. P. to Rachinskiy S. A., April 14, 1893]. (In Russian).
12. OR RNB. Fond 631. Pis'ma k S. A. Rachinskomu. 1885. Oktyabr'-dekabr' [Letters to S. A. Rachinskiy. 1885. October-December]. P. 193. Pobedonostsev K. P. — Rachinskomu S. A., 24 dekabrya 1885 g. [Pobedonostsev K. P. to Rachinskiy S. A., December 24, 1885]. (In Russian).
13. OR RNB. Fond 631. Pis'ma k S. A. Rachinskomu. 1883. Sentyabr'-dekabr' [Letters to S. A. Rachinskiy. 1883. September-December]. P. 44 v. Pobedonostsev K. P. — Rachinskomu S. A., 24 sentyabrya 1883 g. [Pobedonostsev K. P. to Rachinskiy S. A., September 24, 1883]. (In Russian).
14. OR RNB. Fond 631. Pis'ma k S. A. Rachinskomu. 1887. Yanvar'-mart. [Letters to S. A. Rachinskiy. 1887. January-March]. P. 53 v. Pobedonostsev K. P. — Rachinskomu S. A., 20 yanvarya 1887 g. [Pobedonostsev K. P. to Rachinskiy S. A., January 20, 1887]. (In Russian).
15. OR RGB (Otdel rukopisey Rossiyskoy Gosudarstvennoy biblioteki [Manuscript Division, Russian State Library]). Fund 230. Cartoon 4410. Item 1. P. 33–33 v. Pobedonostsev K. P. — Tyutchevoy E. F., 11 marta 1881 g. [Pobedonostsev K. P. to Tyutcheva E. F., March 11, 1881]. (In Russian).
16. Pobedonostsev (1996) — Pobedonostsev K. P. Aksakovy [Aksakovs], Pobedonostsev K. P. *S ochineniya*. Saint Petersburg: Nauka, 1996, pp. 313–136. (In Russian).
17. Rozanov (1910) — Rozanov V.V. M. P. Solovyev i K. P. Pobedonostsev o byurokratii [M. P. Solovyev and K. P. Pobedonostsev on Bureaucracy], *Novoye Slovo*, 1910, no. 1, pp. 18–21. (In Russian).
18. Feoktistov (1991) — Feoktistov E. M. *Za kulisami politiki i literatury* [Behind the Scenes of Politics and Literature]. Moscow: Novosti, 1991, 464 p. (In Russian).

References

19. Badalyan (1916) — Badalyan D. A. «Kolokol prizyvniy»: *Ivan Aksakov v russkoy zhurnalistike kontsa 1870-kh — pervoy poloviny 1880-kh gg.* [“The Ringing bell”: Ivan Aksakov in Russian Journalism of the Late 1870s — the First Half of the 1880s]. Saint Petersburg: Rostok, 2016, 359 p. (In Russian).
20. Chernikova (2017) — Chernikova N. V. *Portret na fone epokhi: knyaz' Vladimir Petrovich Meshcherskiy* [The Portrait against the Backdrop of the Epoch: Prince Vladimir Petrovich Meshcherskiy]. Moscow: Rosspen, 2017, 479 p. (In Russian).
21. Delyukin, Shurshina (2016) — Delyukin D. V., Shurshina V. A. «My poydem zaodno s etoy Aziey». Zhizn' i tvorchestvo S. N. Syromyatnikova v kontekste «russkoy idei» na rubezhe XIX–XX vv. [“We Will Go Along With This Asia” Life And Work of S. N. Syromyatnikov in the Context of the “Russian Idea” at the Turn of the 19th — 20th Centuries]. *Peterburgskiy Rerikhovskiy sbornik*. Saint Petersburg, 2016, vol. IX, pp. 161–175. (In Russian).
22. Gorinov (2007) — Gorinov M. M. *Gosudarstvennaya i obshchestvennaya deyatel'nost' grafa N. P. Ignat'eva (1879–1882 gg.)*. [The State and Political Activities of N. P. Ignatiev, 1879–1882]. Cand. hist. sci. diss. Moscow, 2007, 309 p. (In Russian).
23. Kizevetter (1924) — Kizevetter A. A. *Pobedonostsev. Na chuzhoy storone*. Praga, 1924, vol. IV, pp. 258–279. (In Russian).
24. Kuznetsov (1998) — Kuznetsov O. V. *R. A. Fadeev: general i publitsist* [R. A. Fadeev; a General and a Publicist]. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1998, 181 p. (In Russian).
25. Lincoln (1986) — Lincoln B. W. *In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861*. DeKalb: Illinois University Press, 1986. 297 p.
26. Lukoyanov (2003) — Lukoyanov I. V. *Rossiyskiye konservatory (konets XVIII — nachalo XX v.)*. [Russian Conservatives. The End of XIX — early XX Century]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2003, 79 p. (In Russian).

27. Medovarov (2013) — Medovarov M. V. *A. A. Kireev v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Rossii vtoroy poloviny XIX — nachala XX v.* [A. A. Kireev in the Social and Political Life of Russia in the Second Half of 19th — Early 20th Century]. Cand. hist. sci. diss. Nizhniy Novgorod, 2013, 357 p. (In Russian).
28. Repnikov (2010) — Repnikov A. V. S. N. Syromyatnikov: shtrikhi k portretu [S. N. Syromyatnikov: Nuances of the Portrait]. *Intelligentsiya i mir*, 2010, no. 3, pp. 93–110. (In Russian).
29. Zayonchkovskiy (1964) — Zayonchkovskiy P. A. *Krizis samoderzhaviya na rubezhe 1870–80-kh gg.* [The Crisis of the Autocracy at the Turn of 1870–80s]. Moscow: Moskovskiy universitet Publ., 1964, 511 p. (In Russian).
30. Zakharova (1984) — Zakharova L. G. *Samoderzhaviye i otmena krepostnogo prava* [Autocracy and the Abolition of the Serfdom]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1984, 254 p. (In Russian).